
ФИЛОСОФИЯ

УДК 4214(2 Рос-4 пер)73

**СОВРЕМЕННАЯ И АНТИЧНАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА:
К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ****И.В. Рязанов**

В статье исследована проблема типологии герменевтики, возникающая в античной философии языка. Проанализирована античная философия языка, существенно повлиявшая на теорию и практику истолкования. Определяется исторический финал традиции истолкования, связанный с онтологией языка и выявивший возможность герменевтики как искусства и теории интерпретации.

Ключевые слова: герменевтика; дешифровка; язык; имя; речь; предпонимание; понимание; знак; значение; онтология языка.

Фактов нет, есть лишь интерпретации
Ф. Ницше.

В лексиконе русского языка греческое слово герменевтика представлено, начиная с XIX в., в виде кальки с его латинского эквивалента «Deinterpretatione», предложенного средневековым переводчиком Исидором Севильским в качестве названия одноименного сочинения Аристотеля. В толковом словаре живого Великорусского языка Владимира Даля, изданного в 1880 г., заимствованное слово герменевтика определяется как «греческая наука, объясняющая священное писание». В современных философских энциклопедических словарях термин герменевтика — это, как правило, искусство и теория истолкования текстов. При небольших смысловых вариациях большинство академических определений, так или иначе, подчёркивают, что герменевтика на практике сталкивается с письменно фиксируемым текстом. А поскольку метод дешифровки, т. е. исследование сообщений или текстов для обнаружения информации, закодированной или представленной способом неизвестным учёному, может быть связано с предметной областью его научных исследований, то возникает вопрос: в чём состоит принципиальное отличие

герменевтики от естественнонаучной дешифровки, которая занимается изучением явлений природы? Изучает и исследует, например, белковые и нуклеотидные цепи или распознаёт образы при отсутствии эталонов сравнения, сюда же можно отнести и проблему медицинской диагностики и пр. К этому же уровню вопросов относится различие герменевтики и технической дешифровки, когда сталкиваются с результатами человеческой деятельности, но она не принадлежит к национальным языкам, это, например, нотные и картографические тексты неизвестного содержания или сообщения секретного характера, изучаемые с помощью военной дешифровки.

Более острым и проблематичным оказывается данный вопрос, когда мы сравниваем герменевтику с лингвистической дешифровкой, последняя имеет целью исследование текстов на языках, смысл которых непонятен или полагается непонятным из теоретических соображений. В предметных границах общего языкознания прикладная лингвистическая дешифровка, исследуя древние тексты, способна совершать значительные, а порой и фундаментальные научные открытия. Дешифровка древнеегипетской письменности или клинописных

текстов древнеаккадского и шумерского языков оказалась бесценной для исторической и не только исторической науки.

Таким образом, как только мы фиксируем в истории развития человеческой культуры феномен письменности, т. е. определённую знаковую систему фиксации речи, позволяющую с помощью начертательных (графических) элементов передавать речевую информацию на расстояние и, самое главное, передавать и закреплять её во времени, то мы с определённой долей неизбежности подходим к проблеме обоснования и спецификации герменевтики в качестве теории и практики истолкования текстов.

С другой стороны, мы не должны упускать из виду феномен «текстуализации» современной культуры, поскольку начиная со второй половины XX в. в гуманитарном познании философская герменевтика в значительной степени пересекается с теоретической лингвистикой, а лингвистика — с философской герменевтикой, в силу чего «текстуализация» культуры требует осмысления речемыслительной деятельности и анализа процесса научной интерпретации. Старое правило, предупреждающее нас о том, чтобы мы не перегружали своими интерпретациями и без того сложную проблему, позволит нам редуцировать такие сложные научные конструкции, как «первичный и вторичный текст» или «интертекстуальность и интертекст, и вернуться к исходному состоянию проблемы, выраженной вопросом: как возможна герменевтика в форме теории и практики человеческой культуры. Другими словами, в центре нашего внимания должна оказаться проблема исторической типологии герменевтики.

Древнегреческое слово (ἐρμηνευτική – разъясняю, истолковываю) возвращает нас в границы античной культуры, где искусство толкования иносказаний, многозначных символов и изречений древних поэтов получает религиозно-мифологическое, а порой и философское обоснование. Ярким примером такой «толковательной теории» может служить сонник онейрокритика Артемидора Далдианского [1]. Будучи близок к школе стоицизма, этот античный пи-

сатель сумел систематизировать многочисленные представления своего времени, связанные с толкованием снов и определённым для своей эпохи пониманием природы сновидений. Смысловым ядром сочинения Артемидора было введение им различия простых и вещей снов, прямосозерцательных и аллегорических, а также определения влияния снов, которое могут оказывать на жизнь человека.

Важность и значимость толковательной практики сновидений напрямую пересекалась с философской практикой (аскезой) комплексом физических и духовных упражнений, целью которых было саморазвитие субъекта. Проиллюстрируем подобную значимость герменевтической практики на примере пифагорейской школы. Видеть сны для пифагорейцев означало соприкоснуться с божественным миром тем, что по ту сторону смерти, он же мир истины, поэтому ко сну надо было готовиться.

Неоплатоник Ямвлих в сочинении «О Пифагоровой жизни» описывает процедуру приготовления ко сну следующим образом: «Когда его ученики вечером засыпали, он освобождал их от дневных волнений и впечатлений, очищал смятенный ум, и они спали спокойно и хорошо, сны становились вещими». Как мы видим, время перед сном надо было посвятить ритуальным практикам, которые должны были очистить душу и тем самым приготовить её к вхождению в мир божественного, пониманию видений, посланий и истин, явленных в более или менее двусмысленном облике. К важнейшим очищающим процедурам относились: слушание музыки, вдыхание благовоний и, самое главное, посредством акта припоминания необходимо было восстановить весь прожитый день, вспомнить те ошибки, что ты мог совершить. Припоминание было основным условием, при котором субъект был готов к практике истолкования своих сновидений. Подобную способность, культивируемую не только в школе Пифагора, но и во многих других философских школах античности, французский философ XX в. М. Фуко назвал техникой досмотра сознания [2].

Совокупность таких техник тщательно и скрупулёзно была им исследована на основе различных источников и обозначена в качестве определённой культуры себя — это был с его точки зрения целый ансамбль практик, обычно именуемый греческим словом *аскесис*. Цель философской аскезы — приготовить человека к событиям, которые могли с ним произойти.

Пифагореец, стоик или киник должен был учиться не давать таким событиям привести себя в замешательство, не позволить эмоциям захлестнуть происходящее. Чтобы сохранить самообладание перед лицом непредвиденных событий, необходимы были истинные речи, те разумные речи, что позволяли человеку выстоять при любых обстоятельствах. Римский стоик Сенека писал по этому поводу следующее: «Разумная речь способна развеять наши страхи и не позволить сразить нас тому, что мы считаем несчастьем». В связи с тем значением, которое разумная речь оказывала на жизнь человека, возникали в период античности многочисленные дискуссии между разными философскими школами по поводу вопроса, какова же природа истинных речей.

Для современной науки указанная проблема существует в форме обобщающего исследования существовавших в эпоху античности воззрений на зарождение и развитие языка. Анализируя взгляды Демокрита и Эпикура, Парменида и Платона, отечественный учёный А.Л. Верлинский в монографии «Античные учения о возникновении языка» приходит к выводу о существовании двух противоположных теоретических направлений в философии языка — натурализма и конвенционализма [3].

Поскольку ранние варианты философии языка были представлены так называемой философией имени, заданной нерасчленённостью в культуре понятия, и выражающего его слова, то первый подход (натуралистический) базировался на презумпции онтологической заданности соответствия имени и означаемого им предмета. Приведём в качестве иллюстрации оценку неоплатоника Прокла, данную позиции Пифагора по этому вопросу. Прокл пишет: «Пифагор считал, что образовывать имена ве-

щей не может всякий, кому вздумается, но лишь тот, кто видит ум и естество сущего. Итак, имена образуются по природе». То обстоятельство, что имена даны предметам по природе, означает возможность правильного или неправильного наименования и задаёт необходимость постижения истинного значения — этимона имени — отсюда этимология, в итоге всё это обеспечивает постижение сущности предмета.

Второй подход — конвенциональный исходил из противоположной точки зрения, связь между словом и его значением имеет произвольный характер и устанавливается либо выраженным согласием сторон, либо молчаливым соглашением. Неоплатоник Прокл писал по этому поводу следующее: «Демокрит говорил, что имена даются по случаю, а не по природе», как мы видим, полемика с аргументами, основанными на этимологии в конвенциональном подходе, отталкивается от идеи, что человеческий язык — это отражение случайных обстоятельств, сопутствующих возникновению слов.

Критическое сопоставление двух указанных подходов мы можем найти в диалоге Платона «Кратил», который является, по словам немецкого философа Х.Г. Гадамера, основателя философской герменевтики XX в. «наиболее ярким воплощением того, что греки смогли сделать в сфере философии языка» [4]. Сталкиваясь между собой натуралистический и конвенциональный подходы, Платон сумел отчётливо разграничить две гипотезы — гипотезу о конвенциональном характере языка, для которой этимология не существенна для функционирования слова, и гипотезу «правильности имён», в соответствии с которой для каждой вещи есть слово, установленное специально для неё, поэтому этимология слова содержит в латентном виде указание на важнейшие свойства вещи. В центре античной философии языка оказалась проблема семантической неоднозначности слов, что и явилось главной предпосылкой для постановки вопроса, как соотносятся слова и вещи и на чём основывается их связь. «Вечной» проблемой человечества оказалось само различие между обозначением и обозначаемым, что

в какой-то степени, по-видимому, всегда осознаётся носителями языка, несмотря на отличие формулировок, так или иначе определяющих это отношение.

Именно в центре разгоревшейся полемики о том, каково господствующее в языке соотношение между словом и вещью, и возникает представление о творцах языка: как о мудрецах, глубокое постижение которыми сути вещей отражено в этимологии слов. Наиболее раннее свидетельство превращения бога Гермеса в изобретателя языка содержится в «Кратиле» Платона. В соответствии с сократическим этимологическим методом Гермес — это «тот, кто придумал речь». Вместе с тем одно и то же имя может в зависимости от контекста истолковано по-разному. В «Кратиле» Платон широко использует подобный «плюрализм» для того, чтобы поставить под сомнение познавательные возможности этимологического метода.

Обратимся к смысловому анализу диалога для выяснения проблемы соотношения слов и вещей. По оценке русского философа А.Ф.Лосева «Кратил» принадлежит к числу довольно трудных и замысловатых диалогов Платона. Общая тематическая структура диалога нам уже известна, противопоставляется точка зрения Гермогена, ученика Протагора, придерживающегося конвенционализма, и точка зрения Кратила, ученика Гераклита, обосновывающего натуралистический подход к имени. Критика теории условного происхождения имён оказывается у Сократа постановкой вопроса о правильности имён, такое представление содержит, несомненно, черты, характерные исключительно для Платона. Поскольку трактовка слова как орудия для правильного именования вещи связана с идеей или эйдосом слова, на которую ориентируются мудрые законодатели, создававшие правильные слова, то есть слова, имеющие сходную внутреннюю форму. При этом необходимо обратить внимание на гипотезу Платона о символическом характере звуков, она применена для доказательства «правильности» слов, которые нельзя этимологизировать. Сторонники этимологии как метода познания сущности вещей, как правило, не об-

ращают внимание на существование неэтимологизируемых слов.

При всей сложности «фантастических», по выражению А.Ф. Лосева, толкований Платона вся эта масса или совокупность слов и вещей, рассматриваемая в контексте проблемы правильности имён, даёт вполне чёткую и отчётливую картину античной философии языка. Самопоказывание, самовыговаривание слов, есть их наличность и определённость, единство совместности. Платон понимал такую совместность в качестве указания на толкование-интерпретацию, при этом смысловое поле, в силу самой структуры античного Логоса, постоянно расширяло круг своих значений. Это стало прообразом того герменевтического круга, который начиная с Платона должен был не только расширять поле значений, но и воспроизводить единство смысла, некий сущностно — репрезентативный акт имени.

Человеку в роли толкователя связи слов и вещей приходилось постоянно выполнять частный относительно репрезентативный акт имени, поскольку у Платона в «Кратиле» идеальная сущность слишком высока и далека от него. Ввиду отсутствия абсолютной адекватности имени вещи самой вещи человеку приходится тем или иным способом интерпретировать идеальные сущности или осуществлять диакритический акт имени. Ещё один момент необходимо нам выделить для полноценной реконструкции античной философии языка. В диалоге «Кратил» сторонник конвенционализма Гермоген формулирует принципы своего подхода следующим образом:

Во-первых, установление носит характер соглашения носителей языка.

Во-вторых, устанавливаемые обозначения абсолютно произвольны, т. е. любое сочетание звуков может быть присвоено любому предмету.

В-третьих, любое обозначение заменяется на любое другое посредством нового соглашения.

В-четвёртых, различие между языками у разных народов и диалектами внутри одного и

того же языка объясняются произвольностью установлений в различных местностях.

Как мы видим, согласно Гермогену безразличность обозначений и лёгкость их изменения не просто характерны для языковой практики, но и вполне удовлетворительны в плане назначения слов. Оставив в стороне критикуемую Платоном позицию, исходя из которой санкционируется произвол в обращении с языком, т. е. релятивные следствия лингвистического конвенционализма, мы можем зафиксировать, что конвенционализм как констатация реального состояния отчасти признаётся Сократом и во многом будет разделяться Аристотелем, для которого «речь есть такое смысловое звуко-сочетание, части которого в отдельности что-то обозначают как сказывание, но не как утверждение или отрицание», избранные пассажи из Метафизики также позволяют сделать вывод, в соответствии с которым мы находим феноменологическую целостность языка в античной философии. Достаточно указать, что несмотря на допущение многообразия и некий структурно-семантический плюрализм Аристотель из посылки, что «сущее сказывается многими способами» [5], выводит универсальный момент, т. е. он ограничивает имеющееся поле значений в языке.

Глава третья первой книги Метафизики недвусмысленно говорит о том, что «о причинах речь может идти в четырёх смыслах». Задержимся на первом смысле буквально в переводе А.В. Кубицкого: «что именно есть ставшее» или сущность и суть бытия. Пояснения Аристотеля — его собственный герменевтический узус сводится к следующему: основание «почему» вещь такова, как она есть, восходит, в конечном счёте, к понятию вещи, а то основание, благодаря чему вещь именно такова, есть некоторая причина и начало. Соединение слов и вещей в Метафизике таково, что несмотря на выделенную немецким философом М. Хайдеггером онтологическую дифференциацию «бытие сущего само по себе не есть сущее» в античной философии, онтологическая грамматика языка «бытие есть, что бытие» определяется границами

самой метафизики и, наоборот, в границах метафизики язык онтологизируется.

Другими словами, после Платона и Аристотеля любая герменевтическая трактовка будет предполагать предпонимание и понимание, или реконструкцию и перевод, не иначе как воспроизведение имманентного смысла эйдосного начиная с Платона и субстанционального с Аристотеля. Изначальная онтологизация языка означает универсальное единство Логос; при всей своей многозначности более 20 лексических значений всегда пребывает в границах видимого смысла, он есть проявление или, как указывал М.Хайдеггер в книге «Бытие и Время», он «файнестай» — феномен [6]. Поэтому, говоря языком современной науки, между знаком и значением всегда будет существовать онтологическая связь и имманентное единство. В силу такой связи общегерменевтическая направленность может быть только редукцией к метафизическому, к самой возможности языка быть видимым. Оставляя в стороне исторические иллюстрации, свидетельствующие о полноценной редуцируемости метафизического смысла (этому посвящены, например, работы С.Н.Трубецкого и А.Ф.Лосева), мы должны с определённой долей необходимости обозначить исторический финал этой традиции.

Во-первых, это генеалогический проект Ф.Ницше — его антиметафизические мотивы, представленные, например, в такой работе, как «По ту сторону добра и зла» или задуманной в качестве приложения работе «К генеалогии морали». Во-вторых, хайдеггеровский проект деконструкции метафизики, включающий в себя знаменитый вопрос о бытии «была ли в истории онтологии вообще интерпретация бытия», и вытекающая отсюда деконструктивная стратегия Ж. Деррида. В-третьих, это ненаписанная М.Фуко «Археология герменевтики», но представленная им в его самоопределении по отношению к лингвистике, с одной стороны, и герменевтики, с другой. Знаменитая и трудно читаемая «Археология Знания» является тому прекрасным примером. Сюда же можно отнести и его лекционный курс «Герменевтика субъекта».

Список литературы

1. *Артемидор*. Онейрокритика. СПб.: Кристал, 1999. 448с.
 2. *Фуко М.* Герменевтика субъекта: курс лекций. СПб.: Наука, 2007. 677с.
 3. *Верлинский А.Л.* Античные учения о возникновении языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 453 с.
 4. *Гадамер Х.Г.* Истина и Метод. Основы фило-софской герменевтики. М.: Изд-во Прогресс, 1988. 704с.
 5. *Хайдеггер М.* Бытие и Время. М.: AD Marginem, 1997. 451с.
 6. *Аристотель*. Об истолковании // Аристотель: Соч: в 4 т. Т.2. М., 1978. 687с.
 7. *Аристотель*. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования//Аристотель. СПб.: Алетейя; Киев: Эльга, 2002. 832 с.
-

**MODERN AND ANTIQUE HERMENEUTICS:
TO THE PROBLEM OF HISTORICAL TYPOLOGY**
Ivan V. Ryazanov

Perm State Agricultural Academy, 10, 25 Oktyabrya str., Perm, 614000, Russia

The article analyses the problem of typology of hermeneutics, arising in the ancient philosophy of language. Analyzed ancient philosophy of language, significantly influenced the theory and practice of interpretation.

Key words: hermeneutics, decryption, language, name, address, understanding, sign, the value ontology language